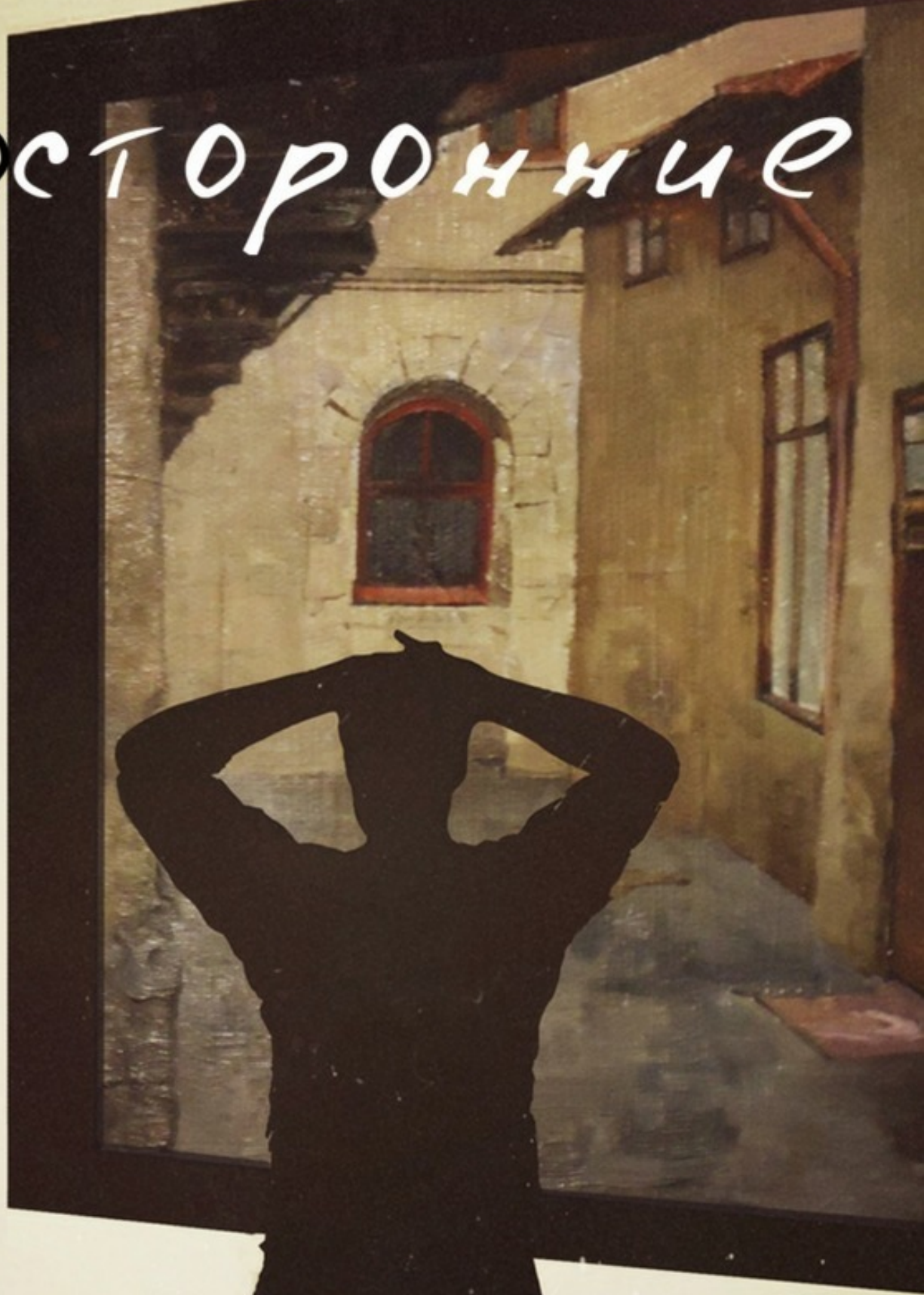

Посторонние

Александр Мануйлов

Александр Мануйлов

Посторонние

«Издательские решения»

Мануйлов А.

Посторонние / А. Мануйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833486-3

И сегодня, устыдившись своей бездумности, безыдейности, своей эстетической беспомощности и этической отсталости, устыдившись своей наивности в месте своей искушенности, — мы делаем еще один шаг за пределы безголосого и немного безвременья. В. Хохряков

ISBN 978-5-44-833486-3

© Мануйлов А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Посторонние

Александр Мануйлов

Редактор Ольга Новожилова

Иллюстратор Сергей Мануйлов

Дизайнер обложки Екатерина Финикова

Фотограф Антон Моисеев

© Александр Мануйлов, 2017

© Сергей Мануйлов, иллюстрации, 2017

© Екатерина Финикова, дизайн обложки, 2017

© Антон Моисеев, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-3486-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь – это комедия для тех, кто думает и трагедия для тех, кто чувствует...

М. Ларни

Посвящается памяти Эмиля Шеделя

I

Чтение I-й главы должно сопровождаться толкованием и рассуждениями.

С чего начать? Что нужно?

Нужен вид из окна с корабельными соснами и протяжным скрипом их толстых вытянутых стволов, нужен шум реки у подножья крутого склона, нужны удобная ручка с прозрачным корпусом и плотная листовая бумага, быстрый компьютер и часы, желателен настенные.

Вместо этого в окне монотонное изобилие панелей – конструктор из новостроек, мрачные, придавленные серым небом лица, треснутая ручка, полпачки старой бледно-желтой бумаги и пыльный ноутбук.

Три важных события произошло в жизни дома на углу: он пережил революцию, блокаду и, наконец, подписанное разрешение на снос. Столько же событий можно было отметить и в жизни каждого из жильцов, скрытых за массивными железными дверями. Расколотое эхо разговоров, отголоски ночных ссор и монотонные голоса, обсуждавшие последние происшествия, громкий шепот, не слишком оберегаемые тайны – все это обрывалось на лестничной площадке – месте, где каждый становился частью общего пространства. Возможно, жильцам бы хотелось, чтобы все оставалось внутри, а следы их личной жизни – того немного, что они готовы показать, проявлялись лишь в виде прогулки с собакой, семейного похода в магазин и выноса старой мебели. Насколько они были разными, настолько же они смахивали друг на друга – одновременно открыть кран, затем спустить воду, пойти в душ и выключить свет. Их действия повторялись из квартиры в квартиру. Темная лестница еще хранила кованые железные перила, пожелтевшую лепнину и кривую линию зеленой краски, нанесенной поверх толстого слоя штукатурки. Старый лифт почти никогда не работал, продавленные, истертые до основания кнопки давно размыли когда-то аккуратно выведенные цифры. Вот и сегодня он с самого утра стоял на третьем этаже, ожидая, что кто-то откроет его сильно скрипящие двери.

Дождь лупил по стеклу все утро. Случалось, он становился частью сна, его сопровождением, но чаще заставлял лежать с закрытыми глазами и слушать, как капли отлетают от железного подоконника и падают вниз. Сумбурные отрывки вчерашних разговоров и ночных воспоминаний ложились неровным слоем на мысли о новом дне. Страхнуть дремоту помог звонок телефона. Разговор получился коротким, именно таким, каким и должен быть разговор между тобой и клиентом, который отказывается, но делает все возможное, чтобы ты сохранил чувство собственной значимости и не послал его в следующий раз. Все это вместилось в несколько минут, которые кажутся вечностью в один из таких дней: сильный дождь совпадает с отказом, жажда гонит к чайнику, но он пустой – как холодильник и все, что попадает под руку. Кажется, предметы нарочно пытаются играть с тобой в игру, и ты проигрываешь, но нарастающая злость заставляет идти дальше, убеждаться в том, что усилия всегда напрасны: результат остается где-то посередине между тем, что уже есть в руках, и тем, что навсегда останется в голове в виде мечты или легкой иронии.

Ты медленно опустишься на еще теплую кровать и задумаешься. Насыщенное время снова сменится вялым ощущением бессмысленности всего того, чем ты занимался вчера и будешь заниматься завтра. Только назойливый голод разрушает границу бездействия и необходимости действовать, вылезать наружу из уютного кокона наблюдателя, ленивого взгляда на вещи и людей, перестающих удивлять. Все же лучше, чем сдохнуть. Восторг от историй,

в которые можешь попасть только ты, остается где-то позади, теряется в том возрасте, когда рушатся все законы: мосты разводят раньше времени, и ты не можешь попасть на другой берег, поезд едет в обратную сторону, маршрут на карте приводит в одно и то же место, но убежденность, что все будет хорошо, ничего ужасного не случится, сохраняется внутри вместе с ощущением свободы. Теперь ты сядешь и посмотришь на постепенно запотевающее окно, размывшее контуры дома напротив. Собравшись с мыслями, ты обдашь водой лицо, вытрешь его старым махровым полотенцем и почувствуешь голод. Из старых запасов ты сварешь макароны и выльешь из банки остатки соуса. Неожиданно быстро ты почувствуешь сытость, судорожно запьешь горячим чаем свой завтрак и откроешь пыльный ноутбук, лежащий у окна ровно на том же месте, на котором он был и вчера, и неделю назад. Электронная почта и лента новостей давно перестали тебя интересовать, ты проверишь только письма – за новостями ты следишь просто по привычке, изредка радуясь предстоящим концертам и фильмам, которые могут вызвать в тебе желание встретиться с друзьями. Ты подойдешь к окну и посмотришь на крышу дома напротив, из-за которой уже виднеется ясная граница тучи, пропускающей заметные лучи солнца.

Окруженный свободным временем и готовый заново взглянуть на себя, ты решишь выйти на улицу навстречу отступающему дождю. Тебе хорошо от этой мысли, как будто ты ставишь точку в споре без взаимных оскорблений и раздражения. – Хочешь не хочешь, – думаешь ты, – все время надо что-то делать, действие везде, повсюду. Любой поступок означает, что несколько секунд назад еще ничего не было, а в эту секунду появляется нечто, совершенно действие, которое может быть абсолютно незаметным, но оно исключает другие действия, которые не были реализованы, остались противоположностью. Отказаться от действий – вот настоящий вызов – протест против вечной нехватки, отсутствия того, что вот-вот материализуется. И так от действия к действию протекает жизнь, – заключишь ты, нахмурившись. Подойдя к двери, ты вдруг усмехнешься, зная, что хоть это и нерешительное, но все же действие.

От «Рога изобилия» до дома меня отделяли пятнадцать минут ходьбы умеренным шагом, несколько затихавших к полуночи улиц и шумный проспект, не отдыхающий и ночью. Похмельное напряжение незаметно рассеивалось в густом дыме сигарет. За это время я успевал задуматься о том, чего не было и что могло бы случиться со мной и со всеми, кого я знал. Прошлое не выглядело мрачным, а под утро оно превращалось в тень. Пустой кошелек и просроченная карта лежали на дне кармана, заставляя меня проходить мимо ярких вывесок еще открытых баров. Перед тем как толкнуть дверь в парадной, я останавливался, слушал тишину, затем бесшумно поднимался по крутой лестнице. И снова я оказывался в своей комнате, где, добравшись до кровати, боролся с тяжелой головой, стараясь отыскать в сегодняшнем вечере что-то полезное, что могло бы меня заставить отличить его от всех предыдущих вечеров. Спал я обычно пять-шесть часов, но иногда в полусне проводил сутки напролет, делая очередные заказы. День незаметно сменялся другим днем, я переставлял число на календаре, но каждый раз обнаруживал, что отстаю.

В этой комнате я жил с самого рождения, все вещи принадлежали мне, а я принадлежал им. Здесь проходила большая часть жизни, даже если я приходил поспать на пару часов. В ней оставалось что-то, что я никогда не смог бы взять с собой, чем не смог бы поделиться ни с кем, кто встретится на моем пути. Но теперь приближалось время прощания с прошлым. Ясно, что как умелый ювелир, мастер, знающий тончайшие детали часового механизма, я готов был сидеть за столиком перед стеной, разглядывая выцветшие обои моей спальни, каждый сантиметр которых я помнил с того времени, как на письменном столе валялись учебники и ручки, а из колонок неслась музыка.

Выйдя на лестницу, я услышал, как захрустели замки этажом выше. Лифт принял чье-то тяжелое тело и поехал вниз. Поколебавшись, я нажал на кнопку. Вскоре мы поравнялись,

на мгновение погасла лампа, и я потянул на себя железную дверь. Крупный мужчина, похожий на дореволюционного профессора, стоял у самой стены, прижимая к себе толстую книгу. Он вполне мог быть тем малознакомым соседом, которого вы видели сегодня, – один и тот же плащ, один и тот же взгляд. Лицо его было знакомым, но имя никак не вспоминалось. Он нажал на кнопку, и лифт плавно поехал, но вдруг все заскрежетало, лифт задрожал и остановился.

– Приехали, – недовольно прошептал профессор.

– Телефон замазан, – сказал я, указывая на надпись «Помощь».

– Что за лифт, что за страна? – буркнул он.

– Зачем было ехать на лифте? – разозлился я. – Еще и книгу взял, – мысли забродили, и я вспомнил о дурной привычке мгновенно браться за любую проблему, лишь бы не молчать. Я приподнял глаза и прочитал название книги, которую держал в руках сосед. «Бритва Оккама». Он опустил очки на кончик носа и начал нервно нажимать на кнопки. Прищуренные глаза, скрытые за толстым стеклом очков, бегали в надежде вернуть к жизни этот кусок железа. Но вскоре он успокоился, поняв, что смысла в этом нет. Его широкое породистое лицо сразу же стало выглядеть задумчивым, огромные белые руки закрыли собой обложку книги. – Такая сосредоточенность всегда отвлекает от чего-то важного, – подумал я и громко проглотил слюну.

Профессор неожиданно повернулся ко мне лицом. Его крупные ладони сложили книгу в портфель, неприметно висевший на плече, он расправил широкие плечи и осмотрелся. Я несколько растерялся, покрутил книгу в руке, будто задумался и случайно вспомнил о ней.

– Как думаете, надолго? – грудным голосом спросил он.

– Не знаю, – ответил я как ни в чем не бывало.

– Давно не был здесь, квартиру сдаю, но кое-какие вещи остались. Надо бы их собрать. Ведь скоро нас всех выселят.

– Никогда не верил, что такой день может наступить.

– Я заметил, с каким интересом вы рассматривали мою книгу.

Оставалось только смутиться и промолчать.

– Это редкая книга на русском языке, хороших переводов мало. Вы читали?

– Нет, только слышал название. Наверное, вы увлекаетесь религией? – поинтересовался я.

– Не то чтобы я был увлечен религией. Теодор, – он протянул руку, пристально посмотрел на меня и вложил свою массивную кисть в мою ладонь.

Я представился в ответ.

– Помню вас еще совсем маленьким.

Он помолчал немного и продолжил:

– Эта книга привлекает меня больше с научной точки зрения.

– Вы ученый? – избегая пауз, спросил я.

– Да, преподаю теоретическую физику.

Он жадно вдохнул воздух, и открытая улыбка преобразила его благородное лицо.

– Я из рижских немцев по отцу, – начал он доверительно, – мать русская. Так получилось, что родился в СССР, теперь живу в России.

– Интересное начало, – подумал я. – И что же вас здесь держит?

– Я слишком обрусел, чтобы жить где-то в другом месте.

– Что-то наподобие родины?

– Можно и так сказать.

– Вынужденная любовь, – решил я про себя.

– История любопытная, надо сказать, – добавил он многозначительно.

Я замолчал, ожидая, что вот-вот начнется рассказ, но он медлил, поглаживая длинными пальцами портфель.

– Наверное, вы уже решили, что я начну сейчас рассказывать одну из скучнейших монотонных историй? Это не совсем так. Она проста, хоть и затянута. Может показаться, что у меня необычная жизнь, но боюсь вас разочаровать, ведь многие истории показались бы вам значительно интереснее. Вообще все началось с того момента, да, именно тогда, когда я оказался на юге среди степи и палящего летнего солнца в нежных материнских руках.

Он неожиданно замолчал.

– Торопиться теперь некуда, – сказал я и провел рукой по холодной стенке.

– Когда я вспоминаю мать, – начал Теодор, – мне хочется бросить все и зайти в ее комнату, где ничего не поменялось, как если бы она просто ушла на время и быстро вернется, чтобы приготовить постный борщ и горячую рассыпчатую картошку. – Он сухо окинул меня взглядом и слегка придвинулся, как будто собирался сообщить мне что-то запретное. – Родился я в Риге, но вскоре семью выслали в Казахстан. Нашему роду когда-то принадлежал большой участок земли, отец был из немецких баронов.

(– Сталин умер, а мне еще не исполнилось и пяти.

– Тео! Тео! Домо-о-ой! – кричала мне по привычке мама, стоя у подъезда, когда я возвращался из штаба, в котором рождались передовые идеи детских умов. Там же мы скрывались от назойливых и требовательных призывов родителей, вслушиваясь в их сердитые голоса. Проникнуть в штаб – подвал соседнего дома – было нелегким делом: нам удавалось проскочить внутрь, пока дворник копался со своими тряпками и подметал лестницу. Потом он закрывал нас и возвращался после обеда, чтобы сложить свои метлы. Делал это он совсем медленно, так, что мы успевали по команде пробежать мимо его сутулой спины, корча друг другу рожи. Рядом с взволнованной мамой всегда стоял отец – худой, высокий, с узким вытянутым белобровым лицом, густыми волосами и большими пухлыми губами. Я с детства завидовал его силе, старался держать осанку и повторял каждое его движение.

– Балуешь ты их, Анна, – говорил он, глядя на маму. Она поправляла красиво уложенные волосы перед трюмо и с улыбкой поглядывала на нас с сестрой, делящих конфеты. Тогда отец закуривал, и сигарета начинала бегать в его бледных губах. Он выдыхал густой дым, казавшийся нам волшебным.)

– Гм-м. Из Риги в Казахстан. Наверное, в детстве это не так сложно пережить? – спросил я, мысленно оказавшись в степи.

– Мое детство было в меру тяжелым, я навсегда запомнил степь и мускулистых лошадей, мгновенно срывающихся с места, рано научился готовить, когда под рукой нет ничего съедобного, привык спать в любом месте, не бояться морозов и волков, придумывать игры во время перекочевков. Мы жили там, пока мне не исполнилось девять, потом нас реабилитировали, дальше переезд в Ростов к маминым дальним родственникам.

На мгновение мне показалось, что он стал тем маленьким мальчиком, который бежит по улицам Риги или засматривается на казахских степных лошадей, мечтая стать взрослым.

(– Я просыпался от того, что отец ранним утром хрустел ключами, закрывая дверь. Он спускался по пыльной лестнице и оказывался на улице, переходил на другую сторону и размашистой походкой шел до Площади 15 мая, дальше следы терялись – я не знал, где находилось его конструкторское бюро. Сестра рассказывала, что видела, как он снимает шляпу, заходит в какой-то большой дом и пропадает там до самого вечера.

Мама не работала, шила платья на заказ, брала на дом машинопись. Чаще всего она сидела за просторным столом, разбросав по плечам свои каштановые волосы, аккуратно подгибала куски ткани и монотонно крутила колесо зингеровской машинки, изредка закуривая. Сладковатый дым расплывался возле ее аристократического лица, она шурилась, разглядывая шов. В нашем подъезде жили еще три семьи. Я часто бегал к ним в гости, прятался в темном ломаном коридоре, забирался под стол в тесной кухне, рассматривая голые ноги тети Тани.

Как-то раз нас с сестрой заперли в комнате и велели молчать – мы только слышали, что пришло много людей, они долго говорили, а потом хлопнула дверь. Заплаканная мама сказала, что папу забрали, а нам нужно быстро собираться и уезжать.)

– Вы не вернулись в Ригу?

– Квартиру отобрали, возвращаться было некуда, но тогда меня больше заботило, что сестра всегда брала самый вкусный кусок, никогда не делилась со мной, хотя и была старше на целых восемь лет. Удивительно, но кроме матери все женщины пытались воспользоваться моим добродушием. Купаясь во внимании, они всегда решали свои собственные проблемы за мой счет. Такое часто бывает: меня затягивают в водоворот, и я вынужден плыть по чужой незнакомой реке. Правда, если я проникся делом, связанным с близким человеком, вкладываю всю страсть и желание. Чаще всего этого и не требуется, но я продолжаю не в силах остановиться. – Он притих и покачал головой. – А дальше шумные потомки уцелевших казаков, школа, потом университет и ранняя женитьба – все растворилось в размеренной южной жизни. Обрывки воспоминаний о том безмятежном времени вызывают сейчас у меня улыбку. Это были годы наивного наслаждения, увлеченности музыкой, наукой, женщинами, которые обычно оказывались рядом со мной, когда видели гитару.

(– Отца долго не было. Время тянулось, как будто ныла глубокая ссадина, мне часто снились солнечные дни, наши прогулки по Старому городу, а вокруг рос ковыль, пахло сухой травой. В нашем новом доме было темно и тесно. Мама спала вместе с сестрой, а для меня из старых досок сколотили квадратную кровать. Дряхлый забор огораживал наш маленький дворик. Весной кустарник разрастался почти до самых окон, поднимался ветер, и он скребся ветками в стекло, отчего становилось совсем страшно. Я ждал, что отец вернется и вырубит эти буйные ветки. Кроме нас с сестрой детей в нашей округе не было. В соседних домах жили в основном старики, ссыльные, всегда молчаливые и хмурые. Сестра не любила играть со мной, я волочился за ней, ныл, но она никогда не обращала на меня внимания.

Осенью мы пошли в школу. Длинный, покрашенный в тускло-зеленый класс с черной доской, облупленными партами и портретами Ленина казался мне самым ужасным местом в мире. Темноволосая учительница в строгом костюме и с указкой в руках прохаживалась между партами, рассказывая нам о великом Ленине и счастливом детстве советских детей. Нас было мало, все сидели за партами тихо, внимательно слушая учительницу. Часто мы учили стихи про родину, смотрели карту мира, писали отдельные слова в своих склеенных тетрадях. Иногда мама интересовалась, о чем говорят в школе, тогда я мрачнел и отвечал, что про родину.

– Про родину? – переспрашивала она.

Я кивал.

– Ну про родину так про родину, – вздохнув, шептала она. – Родина – это хорошо.

С тех пор потянулись однообразные дни, когда нужно рано вставать, сидеть за партой и готовить уроки. Но нет, не все так просто и безоблачно, достаточно признаться себе, что не любил я школу из-за учителей, которые косились в мою сторону, осуждая немца, захватчика и фашиста. Хоть я и не обращал внимания, но всегда был готов оказаться виновным в любом происшествии в классе, получить плохую оценку за то, что дал списать соседу. И это ощущение не покидало меня долгие годы, оно сопровождало меня всегда и везде, росло из глубины и оставалось недоступным и неизменным, мешая отрывто смотреть на собственное отражение в зеркале.)

– Когда отец вернулся, мы жили уже в Ростове. Он пытался сделать из меня инженера, чтобы не пришлось заниматься тяжелым физическим трудом, который он возненавидел после ссылки. Впервые я открыто решил не следовать чужой воле: я никогда не понимал, что может быть интересного в чертежных кабинетах проектных бюро, в которых собирались люди в одинаковых пиджаках, синхронно включали лампы над огромными кульманами и не отходили

от них весь день. Отец злился в ответ, пытался убедить меня, что физика – это чистой воды юношеский романтизм, он скоро пройдет и мне нечем будет заняться. Но я не слушал его, молча уходил, а мама всегда старалась помирить нас после этого. Физика привлекала меня в старших классах больше, чем другие предметы. Однообразные уроки истории, скучные учебники по литературе, пропитанные идеологией коммунизма, вызывали во мне грусть. И только учитель физики умел сосредоточить мое внимание от первой и до последней минуты урока. Тем более, математика, физика – это абстракция, мир цифр, формул, который позволяет убежать от действительности, забыться. Вместо того чтобы нестись с ребятами на перемену и гонять дырявый футбольный мяч на пыльном школьном поле, я подходил к учителю и задавал ему вопросы, на которые он охотно отвечал. В девятом классе он давал мне отдельные задания на дом, чтобы я мог изучать интересующие меня темы. Счастливые времена.

(– Сестра училась в выпускном классе, у нее стали появляться первые поклонники из соседних поселений. Ее улыбчивые губы, скользкий взгляд и быстрая походка выдавали порывистый и беспокойный характер, отличавший ее от всех остальных. Изящные, не испорченные работой руки, стройная подвижная фигура, красивое лицо. Рано утром мама уходила на сбор урожая, мы с сестрой шли в сельскую школу, но я всегда возвращался раньше – наш дом не запирался. Иногда я слышал, как мама ругается с сестрой, заставляя ее сидеть дома и помогать. Мать опасалась, что дочери немца опасно появляться в одиночестве, тем более, отца не было с нами. Но сестра гуляла с парнями, не обращая на мать никакого внимания.

Как-то раз я вернулся из школы раньше обычного – наша учительница заболела, заниматься с нами было некому. Открыв покосившуюся калитку, я сразу заметил, что дверь в сарай приоткрыта, хотя мама всегда заставляла нас закрывать ее на засов. Я испугался и рванул в дом. Кинув на кровать свой школьный мешок, я припал к окну, впиваясь глазами в сарай. Сердце колотилось, по телу бегала мелкая зыбкая дрожь, виски стучали, отчего становилось еще страшнее. Глубоко вдохнув затхлый воздух, я решил подкрасться к сараю. Мутно-желтые лужи, поникшая трава и вмятины от чужих сапог заставили меня дрожать еще сильнее. На цыпочках я добежал до сарая и замер. Из сарая долетал чей-то слабый стон и слышался непонятный шорох. Пригнувшись, я подошел к двери и присел на корточки. В тусклых пятнах света я разглядел два сплетенных тела. Это была сестра и Васька, приходивший по вечерам рубить дрова. Ее ноги были сильно разведены и согнуты, сапогами она упиралась в подгнившие доски, сложенные у стены. На ней лежал Васька, он тяжело и часто двигался, словно стараясь втиснуть сестру в пол, его круглый голый зад поднимался и опускался, одной рукой он держался за плечо сестры, другой за край дровницы. Ее тело сильно извивалось – я никогда не видел ее такой. Застыв на мгновение, я ощутил сильное волнение, от которого мне стало не по себе. Я осторожно встал, прокрался обратно в дом и притворился, что сплю. Вскоре я услышал скрип двери, затем шепот и шаги. Калитка закрылась, сестра вернулась в дом. Она подошла к кровати, внимательно посмотрела на меня и снова ушла.

Следующую ночь я почти не спал, думая о сестре и Ваське. Тогда и началось влечение, которое сопровождало меня везде: в затхлой аудитории, набитом трамвае или в тесном переходе, соединяющем две части разрезанной пополам улицы. Оно сидело глубоко внутри, заставляло меня вглядываться в прохожих, искать намек в случайных взглядах и терпеть, пока есть силы не выплеснуть его наружу.)

– На юге время идет медленнее, чем бы ты ни занимался. Короткие ночи, встреча рассвета и темные вечера, прогулки по остывающему от дневной жары городу. Все складывается равномерно в твоей жизни, ты не задаешь лишних вопросов, тревожные поиски растворяются в теплом воздухе, и ты делаешь то, что собираешься сделать именно сейчас, в данный момент. Совершенно незаметно я оказался в институте, как будто это случилось само собой, и любимая физика перестала быть фоном. Со временем я увлекся настолько, что удовольствие от прежних радостей уже не насыщало меня, наука все больше проникала в мою жизнь.

(– Зима наступила уже в конце октября, наш двор так сильно замело, что приходилось проделывать лазы в снегу, чтобы добраться до калитки. Стекла покрыл толстый слой льда, в доме был полумрак. Мы с сестрой топили печь, прижимаясь к теплым кирпичам, лежащим у печки. Мама стала уходить по вечерам, а возвращалась уже ночью, медленно раздевалась и бесшумно ложилась. От нее сильно пахло духами, а сестра говорила, что еще и вином. Мама рассказывала, что ходит на собрания, но сестра ей не верила. А когда я спрашивал, что она делает на собрании, мама всегда отвечала, что помогает папе вернуться. – Но папа далеко, – волновался я, а мама говорила, что она делает это на расстоянии.

Однажды я ждал сестру у школьного крыльца. Мимо проходили тетя Тая с племянницей – первое время мама работала в их колхозе.

– Глянь, сынок ее, Федька.

– Теодор, – обиженно поправил я. Они рассмеялись и пошли дальше, не заметив, что я увязался за ними.

– Эти столичные гэбэшники месят ее, как тесто, по очереди, дом прям трещит. Во блядище, а!

Мне показалось, что они знают что-то важное, и я вернулся к крыльцу, все рассказал сестре. Она молчала всю дорогу, а когда мы сели за стол, расплакалась и пробурчала сквозь слезы, что все это вранье.

Много лет спустя к нам в Ростов приехала мамина двоюродная сестра. До утра они сидели и плакали на кухне, а я слушал, лежа в полусне в кровати, что приходилось маме делать, чтобы нас не забрали, чтобы нам разрешили ходить в школу, чтобы у нас было свое хозяйство.)

– Но я жил не только наукой. Еще одной стороной моей жизни была музыка. Однажды я оказался в просторной прокуренной комнате одноклассника на окраине Ростова. На полу, стульях и диване сидели пестро одетые ребята и девушки, в углу двое громко играли на гитарах, выкрикивая слова на английском языке. Я уселся на пол по-турецки и внимательно наблюдал, как высокий парень в клетчатых штанах, красном пиджаке, натянутом на белую майку, с узким бледным лицом размашисто ударял по струнам гитары, иногда срываясь на хрип. Я слушал этого парня как замороженный, не в силах оторвать глаза от его худых пальцев, пережимавших струны лакированной гитары. Он пел просто, не заботясь ни о чем, не обращая ни на кого внимания. Этот вечер ворвался в мою жизнь быстро и решительно, стерев ностальгию по детству в Риге. Из-за возраста меня не взяли в музыкальную школу, зато обнаружили абсолютный слух. Мама нашла мне учителя, у которого я занимался три раза в неделю. Вместе с музыкой меня безудержно влекли девушки – в теплой постели, в загаженном сортире, в темном дождливом переулке. Я кипел, превращался в неврастеника, который полностью зависит от желания и уже не может скрыть этого. Время между встречами становилось кошмаром. Только гитара могла меня отвлечь, она же уничтожала дистанцию между нами. Так я и женился, не вполне понимая на ком, окруженный иллюзиями со всех сторон.

(– С тех пор как нам разрешили уехать из поселения, в доме стали появляться разные люди, чаще всего мужчины. Они снимали у входа потертые фуражки, подолгу сидели за столом, доставая из черных портфелей бесчисленное количество папок, задавали странные вопросы, а мама тихим голосом отвечала, стараясь, чтобы мы с сестрой ничего не услышали. Она нехотя показывала нас, когда того требовали. Жадные мужские глаза находили нас в темном углу или за печкой, иногда мама шла за нами в сарай. Впрочем, я не очень интересовал их, а вот сестра то и дело краснела, встречая пристальные похотливые взгляды.

– Красивая какая, – говорил каждый второй, ехидно улыбаясь. – Молоденькая, а уже созрела. Барышня или как там по вашему, фройляйн.

Мама суетливо кивала, боясь смотреть в сторону сестры.

Постепенно мы начали собирать вещи, готовясь к отъезду. Как-то раз к нам пришел сотрудник четвертого управления, как говорила потом мама.

– Пацан, а пацан, иди, погуляй.

Я посмотрел на сестру: она стояла у окна вся бледная, ее сильно трясло.

– Пшел вон, – крикнул он.

Я быстро выбежал и пустился к соседям, но их не было дома. Тогда я бросился к школе, проваливаясь в рыхлый снег. По дороге мне встретилась тетя Тая, я был так напуган, что она быстро побежала за мной. Когда мы вернулись, дома была только сестра. Она спокойно сидела у печи, вытирая разбитую губу.

– Все нормально, – сказала она глухим голосом.

– Что ты тут шороху-то навел, Федька, а? – обругала меня тетя Тая и захлопнула за собой дверь.

Сестра больше ни слова не сказала за весь день.)

– У нее была мальчишеская челка, детские юркие глаза, тонкая талия и невинное лицо. Она была чуть старше. Мы начали жить вместе в пустовавшей все лето комнате ее бабушки, которая уезжала к родственникам. Очень скоро мы решили пожениться, как будто за нами кто-то гнался. Расписались мы торопливо, почти по секрету. Мама не спала всю ночь, когда узнала об этом, а сестре, как и в детстве, было не до меня – она уже собиралась уехать обратно в Ригу к своему любовнику, с которым познакомилась на пляже. Отец был совсем истощен, годы ссылки окончательно подорвали его здоровье. Он ничего не сказал, просто протянул руку и с усилием улыбнулся. Так я стал женатым человеком, не осознавая, что это значит, но уверенный, что знание придет во время совместной жизни.

(– Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж, оставив вещи внизу. Кое-где на стенах виднелись остатки лепнины, у свежевывкрашенной двери висели таблички с фамилиями жильцов и звонки.

– Как ее по мужу-то? – произнесла вслух мама, пытаясь вспомнить фамилию племянницы. Мы с сестрой безучастно стояли в стороне, разглядывая отполированные перила.

– Почти как у нас дома, – грустно произнесла сестра и провела рукой по гладкой поверхности.

Так и не вспомнив фамилию, мама позвонила в первый попавшийся звонок. Послышались шаркающие шаги. Дверь открыла сухонькая старушка, завернутая в старомодный халат.

– Вы к кому? – подозрительно щурясь, спросила она.

– К Вале, – устало ответила мама.

– Ее нет! – отрезала старушка и собралась захлопнуть дверь, но мама схватилась за ручку и потянула дверь на себя.

– Это еще что? – взвизгнула старушка.

– Мы приехали к Вале, она знает, просто вышла, наверное. Пустите, пожалуйста, мы с дороги, дети устали, – пролепетала мама.

– Ничего не знаю, – огрызнулась старуха и снова потянула дверь на себя. Мама отпустила ручку и обреченно попятилась. Вместе мы спустились вниз и сели на скамейку, отодвинув вещи в тень. Жара в Ростове стояла невыносимая.

– Что вы тут делаете? – слышался чей-то звонкий голос.

– Валя, Валечка, – встрепелась мама и бросилась к молодой девушке в ситцевом платье. Они тут же обнялись.

– Почему вы тут? – не унималась Валя. Ее смуглое, слегка переспелое тело казалось воздушным в легком летнем платье. Роскошные льняные пряди волнами опускались на плечи и спину.

– Нас не пустили, – с обидой в голосе сказала мама.

– Странно. А кто?

– Какая-то злобная старуха, – вырвалось у сестры.

– Ах, это Клавдия Сергеевна, она всегда такая. Какие вы большие уже, – пропела Валя, обняв нас по очереди.

Мы поднялись наверх и оказались в узком коридоре. В углу у двери стоял маленький столик с черным телефоном, а рядом – старый стул с разодранной обивкой. Мы прошли по темному коридору почти до самого конца и оказались в огромной комнате, похожей на наш школьный класс.

– Пришли, – радостно сказала Валя и опустила наши крепко связанные мешки. Уставший, я сел на венский стул у шкафа и рассеянным взглядом скользнул по двадцатиметровой комнате: старинная люстра, пианино в углу, полки с книгами, проигрыватель, зеленый торшер, гипсовая копия «Амура и Психеи».

– Сюда передвинем шкаф, чтобы отделить вашу часть от нашей, – с энтузиазмом произнесла Валя.

– Спасибо тебе, мы ненадолго, – почти шепотом сказала мама и устало опустилась на стул.

– Ходят тут всякие в обносках, предупредить надо, – послышался старческий голос из коридора.

Валя снисходительно улыбнулась и начала разбирать вещи.)

– Поначалу все шло отлично, мы не уставали радоваться, наслаждаться друг другом. Вместе просыпались, вставали, завтракали, я провожал ее до работы, сразу же встречал после нее, мы шли в магазин, покупали простую еду, чтобы не надо было долго готовить, ужинали, гуляли до полуночи и были уверены, что так и пройдет вся жизнь. Наука, в отличие от музыки, аккуратно вписалась в мою жизнь; выбор был сделан, и, как казалось тогда, он был окончательным. Да, эти сумасшедшие концерты, слава в определенных кругах, даже гастроли... Гм, но дело, вероятно, не в этом. Ее горячее тело по-прежнему плотно прижималось, я чувствовал, как она глубоко дышит во сне, я был уверен, что мы смотрим одни и те же сны, думаем одинаково, мечтаем. Но совсем незаметно пропадает бдительность, исчезает потребность прислушиваться к каждому слову, голос становится привычным и кажется, что бояться нечего, можно забыть и остановиться во времени, обмануть его. Что-то меняется, вырывается наружу из нас и не возвращается, делая двоих чужими, охладевшими и совершенно пустыми. Как-то раз она не вернулась с работы, еще с утра попросив, чтобы я не встречал ее, потом настояла, чтобы я не задавал вопросов, не трогал ее, а однажды запретила прикасаться к ней, после чего я перебрался на раскладушку, стоящую в другом конце комнаты. Она не хотела ничего рассказывать, говорила, что просто устала, что ей нужно отдохнуть, но вскоре призналась, что не готова к браку, что мы поторопились, совершили ошибку. Да еще и эти поклонницы. Но ни разу за время наших бесед она не поинтересовалась, что думаю я, каково мне слушать ее сухие фразы, понимать, что женился я совсем на другом человеке. Честно говоря, в один из вечеров, когда она пришла позже обычного, я чуть было не ударил ее – она хамила, постоянно издевалась. Тогда же я узнал, что перестал вдохновлять ее, что живу в своем мире, а ее жизнь сделал серой и однообразной; постоянные поклонницы стали ее раздражать, ребятам из группы она никогда не нравилась, да в общем-то мы сами старались держать наших женщин на расстоянии, знаете, как это бывает. С тех пор я приходил домой, еле держась на ногах: вспомнил старую компанию, друзей и подруг, которые неожиданно покинули мою жизнь и вдруг вернулись спасти от безысходности. Я начал считать дни недели – жил от выходных до выходных, потому что по пятницам мы играли, а потом начинали пить. Я оставался на ночь у кого-то из друзей, либо скромно засыпал на скамейке в парке – ночи все еще были теплыми. К воскресному вечеру деньги у нас заканчивались, мы расходились по домам. Это было самое сложное время. Понимая, что предстоит увидеть жену, я начинал ненавидеть нас обоих. При этом я понятия не имел, чем она жила, чего хотела. На все вопросы она отвечала односложно, сердилась, делала замечания, что я уже спрашивал ее об этом, но ни разу так и не ответила. Я боялся уйти первым: мне казалось, что я бросаю ее, такую одинокую в этой ситуации. Оставалось только ждать.

(– И снова я был предоставлен себе. Мама отправляла нас гулять, а сама уходила на кухню готовить или сидела внизу на скамейке, пока Валя была наедине с мужем. Я догадывался, что они занимаются чем-то тайным, иногда мне хотелось подсмотреть в замочную скважину, но крохотная кухня была рядом с комнатой, и мама всегда ловила меня.

– Что за невыносимый ребенок! – ругалась она, и я убежал.

Потом Валя нашла маме работу, и мы переехали в другую комнату. Она была гораздо меньше этой: квадратный кухонный столик, покрытый старой клеенкой, грубые дощатые полки у входа и двуспальная кровать – вот все, что можно было поместить в нее. Узкие запыленные окна съедали почти весь солнечный свет, тусклые зеленые обои мрачно нависали со всех сторон, а мягкие репродукции, выцветшие и искаженные временем, едва напоминали оригиналы. Я не любил эту комнату и старался где угодно задерживаться после школы. Часами я не вылезал из обсерватории в парке Горького. Возвращался домой поздно, наспех делал уроки и пытался скорее заснуть, чтобы не слышать, как мама на меня ругается.

В школе я почти ни с кем не общался, меня побаивались и уважали за высокий рост, но после уроков я всегда гулял один, таская тяжелый ранец за спиной. Все изменилось, когда одноклассник, которому я давал списывать математику, пригласил меня в гости. Это был обычный весенний вечер пятницы, когда воздух пропитан легкой свежестью, люди торопятся домой, толкаясь на остановках, а переполненные троллейбусы медленно катятся по Ворошиловскому. Толя жил в просторной, отделанной под ампир квартире. Дышалось в ней тяжело, а звенящее эхо как будто утопало в аккуратно расставленном многотомнике Маркса. Его дед был членом обкома партии.

– Все на даче, друзья брата гитарки прихватили, – заговорщицки прошептал Толя и провел меня в гостиную.

Там, в клубах дыма, ярко одетые, сидели незнакомые мне люди. Они были старше нас. Я немного закашлялся и протиснулся к свободному месту на полу.

– Это наш, не волнуйтесь, не сдаст, – уверил всех Толя, и меня приняли. Было непривычно видеть, как все свободно сидят, улыбаются, громко смеются.

– Даешь рок-н-ролл! – крикнула одна из девиц, и парень в ярком пиджаке потянулся за гитарой.

– Слышал рок-н-ролл? – шепотом спросил Толя.

– Нет, – еще тише ответил я.

– Слушай, – приказал он, и я уставился на парня с гитарой.

Он опустил гитару на бедро – все замерли. Медленно окинув нас взглядом, он широко улыбнулся и резко ударил по струнам, потом еще и еще, он ударял размашисто и быстро, пережимая струны левой рукой. На меня обрушились ритмичные звуки и его хриплый воющий голос. В этот момент я забыл обо всем, что меня окружало в привычной жизни. Парень, сидевший рядом с ним, взял свою гитару и начал подстраиваться под ритм. Все сидели как замороженные, но вдруг в коридоре хлопнула дверь.

– Тихо, – прошипел брат Толи, и ребята замерли.

– Это что же... это что здесь, а? – послышался громкий мужской голос. – Вы что же это, паразиты, деда позорите, а? – рычал старик. Его крепкое тело нависло прямо над моей головой. – Всю жизнь с буржуями, капиталистами боролся, а они тут по-американски поют! Враги народа! Собственные внуки! А ну вон отсюда, предатели!

Первыми сорвались девицы, стыдливо прижимая к бедрам платья, потом ребята похватили чехлы от гитар и бросились в коридор. Старик что-то прохрипел и молча опустился на стул. Его пустые глаза смотрели в одну точку.)

– Но в чем смысл ожидания, когда осколки уже разлетелись по комнате? – спросите вы. – Смысл только в том, что каждый раз, наступая на них, царапины становятся глубже. В то утро мы молча съели по бутерброду и быстро оделись. Я задержался, чтобы не ехать вместе с ней

в лифте. Потом мне позвонила мама – от нее я все скрывал, говорил, что живем мы дружно – и сдавленно прошептала: – Отец умер. – Мы знали, что это должно было произойти, но принять его смерть оказалось сложнее, чем ждать ее. Впервые с раннего детства я плакал. Две недели жена не отходила от меня, помогала во всем, иногда просто лежала рядом и гладила мои кудрявые волосы. У мамы мы бывали каждый день вместе, казалось, все вернулось, началось заново. Но через месяц она подошла ко мне вечером, когда я докуривал последнюю сигарету, всматриваясь в унылый пейзаж за окном, положила свою нежно-холодную маленькую ладонь на плечо и прошептала, что пришло время разойтись. Я промолчал от растерянности, потом увидел наполненные слезами глаза. Она попросила обнять ее. Мы долго стояли, стиснув друг друга, затем она взяла в руки собранные сумки и медленно спустилась по лестнице. Наверное, так и заканчивается ожидание, бессмысленное желание упорядочить прошлое. С тех пор мы виделись однажды, когда нужно было подписать развод. Сейчас я даже не могу представить, где она живет, чем занимается. Я не спросил, женаты ли вы? – он широко открыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

– Нет, – коротко ответил я, поглядывая на треснувшее зеркало на стене.

(– Сергей Валентинович жил недалеко от Театральной площади в тесной однокомнатной квартире, был угрюм и почти не улыбался.

– Очень рад, – тихо проговорил он высоким суховатым голосом.

Он был, как и голос, – сухой, высокий, немного робкий. Мама провела меня в единственную комнату, заставленную пачками нот и гитарами. Все они были некрасивые, с трещинами, из некоторых клубками торчали струны.

– Подрабатываю ремонтом инструментов, – монотонно произнес Сергей Валентинович.

– Ну все, я пошла, ты не волнуйся, – сказала мне мама.

– Все будет хорошо, но пусть немного поволнуется, – добавил Сергей Валентинович и закрыл за ней дверь.

Первое занятие мне не понравилось, как и второе, и третье.

– Все в порядке. Слух есть, пальцы гибкие, получится гитарист, – говорил он маме, а мне хотелось играть рок-н-ролл, но я боялся даже заикнуться об этом.

После одного из занятий я вяло поднимался по лестнице, ожидая, что сестра уже заняла письменный стол, а мама суетливо бежит на кухню проверить суп. Скинув ботинки, я подошел к двери и услышал глухой, едва уловимый мужской голос. Это был он. Да, он, без сомнения, именно он. Я распахнул дверь и увидел исхудавшее, ссутуленное тело, сидевшее спиной ко мне.

– Отец, отец, – крикнул я и обхватил его непривычно узкие плечи.

Он обернулся и что есть силы прижался ко мне. Его было не узнать: седой, беззубый, он смотрел как будто чужими глазами, лоб прорезали глубокие морщины, на щеке остался широкий рубец. Большую часть времени он молчал, стараясь побольше разузнать о нас. Но и потом – через неделю, месяц, год он все так же молчал, отводя в сторону свои прозрачные глаза.

Валя устроила его дворником на овощной базе, по вечерам он подолгу сидел во дворе, жадно затягиваясь папиросой и разглядывая дно полупустой бутылки, а потом, падая, поднимался домой, громко кашлял и бросал свое пьяное тело прямо на пол. Мама молча раздевала его, укладывала в кровать и ложилась рядом, сдерживая подступавшие слезы.

Я начал стыдиться отца.)

– Знаете, влечение к женщине заставляет наступать на одни и те же грабли. То радость, то печаль. Брожение гормонов. Это урок, который невозможно выучить, к нему невозможно подготовиться, ученик снова волнуется, проваливается, хотя заранее понимает, что его ждет. И следующие два года прошли как один день: в памяти остались короткие промежутки между пьянками, в которые поместилась моя научная деятельность (до сих пор не понимаю, как меня не выгнали из аспирантуры и не уволили с кафедры), как ни странно довольно успешная, и мамыны глаза, всегда грустные. На одной из вечеринок ко мне подседа пышная брюнетка

с низким голосом и острым взглядом. Это был квартирник, на котором мы играли запрещенный тогда рок-н-ролл. Отложив гитару в сторону, я переключил все внимание на нее, хотя делать это было достаточно сложно – к тому моменту я был сильно пьян. Единственное мое преимущество было в том, что играть на гитаре я мог в любом состоянии, а голос позволял отлично петь и вполсилы. Не запомнив ее имени, я оказался раздетым в темной комнате, затхлой, наполненной запахом дешевых сигарет, недопитого портвейна и женских духов. Я смутно представлял, что происходит, голова сильно кружилась. Утром я нашел в кармане клочок бумаги со следами помады и номером телефона. На некоторое время я забыл об этом знакомстве, но, случайно выронив ее послание поздним вечером, решил позвонить. Надо сказать, у нее было роскошное еврейское тело, оно всегда пахло женщиной. Еще она любила танцевать голой под Эдит Пиаф, пить красное вино из горла, наряжаться в старые бабушкины платья, изображая манекенщицу.

(– Очень скоро я освоил гитару и мог уже подбирать на слух все, что угодно, но у меня не было своего инструмента. Я подружился с Толей и старался не пропускать встречи, на которых звучал рок-н-ролл. Когда подходила моя очередь, я брал в руки гитару, ощущая силу. А дальше начиналось то, что мы называли тогда свободой.

На шестнадцать лет мама подарила мне ленинградку, на которой я впервые сыграл Twist And Shout. Девушки так и липли. Я охотно этим пользовался, стараясь выбрать для прогулки самую симпатичную из них. Незаметно пришло время последнего звонка; душное лето вместило в себя вступительные экзамены на физмат, свадьбу сестры и запуск «Протона».)

– Возможно, вам совсем не близки те ощущения, которые я пытаюсь передать. Скорее всего, это обыкновенный аттракцион, удобный случай сделать реальность чуть более сжатой хотя бы на один или два часа, что мы проведем вместе в этом старом лифте. Но время снова исказит пространство. Жаль этот дом, я так привык к нему.

Он задумчиво посмотрел на часы, сжимавшие его мясистые запястья.

– Все мы привыкли, – сказал я после долгого молчания.

– Тогда я продолжу, – сдержанно произнес он и сложил руки в замок. – Таинство брака казалось мне чем-то идеально-непостижимым. Нет, я не потерял веру в женщин, но они перестали ассоциироваться с материнством, семьей. Я видел в них подруг, слушателей, собеседниц, любовниц, кого угодно, но только не жен и матерей. Наука разбавляла эти странные мысли. Изменив традицию последних месяцев, я пришел к ней трезвым и с букетом цветов. Узнал ее по роскошным кудрявым волосам, от которых пахло южной свежестью. Она показалась мне не такой эффектной, как тогда, в день нашего знакомства, зато выяснилось, что она много читает, увлекается живописью и ведет довольно светский образ жизни для той поры. Она была германистом и часами говорила о Гессе, которого обожала, и когда узнала, что ничего кроме «Сиддхартхи» в переводе Прозоровского я не читал (а ведь он мой соотечественник), посмотрела на меня с соболезнованием, покачала головой и пообещала принести все, что у нее есть дома, чтобы я мог ознакомиться с его творчеством. Вскоре она выполнила обещание, и я променял привычную вечернюю выпивку на чтение. Удивительно, но книги подогрели интерес к ней как к женщине. Мы стали встречаться почти каждый день. Я понял, что наша первая ночь была слишком сумбурной, и мы договорились не вспоминать больше о ней. Но это уже было после того, как я уехал.

(– В один из нестерпимо жарких летних дней лучше оказаться там, где никто не рассуждает о КПСС, не смотрит футбол по центральному телевидению и не ищет двадцать второй том Собрания сочинений В. И. Ленина. Таких мест было совсем немного. Весть о высшем счастье человека стучалась далеко не во все двери – оставались девственные просторы, забытые партийными чиновниками.

Вечно пыльная квартира, увешанная абстрактными картинами молодых художников, фотографиями и репродукциями, была убежищем для тех, кто чувствовал себя лишним.

Повсеместно разбросанные книги и переполненные окурками пепельницы, исписанные альбомы, порванные тетради – все это сразу же обрушивалось на человека, как только он оказывался на пороге. Слова «партия» и «ВЛКСМ» были под запретом. Тот, кто нарушал его, вынужден был не морщась выпить бокал лукового сока с водой или навсегда покинуть это место.

– А, Тед, здорова, – говорил мне худощавый, коротко стриженный хозяин квартиры.

– Хэ-э-э-эй, – протягивал я и проходил на кухню.

– Наших снова взяли, – начинал по привычке он, доставая из банки раскисший огурец. – Дело совсем плохо, скоро все на нарах будем.

– А что опять? – интересовался я.

– Все то же: туняедец, антисоветчик, дегенерат. Хоть бы разобрались, чем отличается абстрактный экспрессионизм от геометрической абстракции.

– Это смешно, – перебил я. – Не каждый специалист знает, а у них другие задачи. Там и отдела-то такого, наверное, нет.

– Что этим партийным пролам до нашего творчества, проще процитировать классика о дегенеративном искусстве, – не унимался он, наливая мне водку. – Пока твои стихи не украшают фабричную стенгазету, а работы не висят в цеху, ты никто, иждивенец, классовый враг. О чем говорить? Славка вон два года отрубил – не узнать.

Он дал мне стопку, мы молча выпили.

– Три-четыре года и от нашего брата останутся только мифы и легенды, мол, были такие предатели, диссиденты.

– Можно еще в дурдоме оказаться, – добавил я, чувствуя, как водка отдалась теплом в груди.

– Можно, – обреченно добавил хозяин и затих.

Пили мы размашисто и помногу. Случалось, дело доходило до летящих в стену пустых бутылок. Тогда сидевший в осколках, как правило, начинал читать стихи, а потом все пьяные наперебой за ним... Читали, кто что помнил. Квартира притягивала людей расшатанных, привыкших жить тайно. Это были интеллигенты: молодые поэтессы-лесбиянки с худыми телами и умными глазами, бесчисленные переводчики, цитирующие Цицерона и Вергилия, пианисты, художники, беспробудно пьющие актеры и прочие, выброшенные советской системой элементы. Именно там мы и встретились.)

– Сестра приехала из Риги навестить нас с мамой и предложила съездить к ней, на нашу историческую родину. Она и замуж вышла за рижанина, чтобы скорее уехать из Ростова, а теперь хотела похвастаться, как устроилась. Я никогда не соревновался с ней, но ей всегда было важно опередить меня во всем, добиться большего, выглядеть в глазах мамы успешнее. Мне очень хотелось посмотреть Ригу, дом, где я родился, воспоминания о котором постепенно стирались. Я согласился, тем более, давно никуда не выезжал. Восьмивековая Рига с лабиринтами тихих улиц, музыкантами, запахами шоколада и кофе, соборами и непривычным модерном – все это не вписывалось в представления советского немца о родине. Я долго ходил вокруг дома, в котором родился, стучал каблуками по мощеной улице, рассматривал фасад и стены, заглядывал в окно моей детской комнаты, и мне казалось, что я вспоминаю первые дни своей жизни, ощущаю то время, когда все начиналось. Сестра, надо сказать, была очень гостеприимна, старалась постоянно быть с нами, рассказывала, как выносила меня на прогулку и как злилась, когда я не засыпал. Мама вспоминала их встречу с отцом: мы прошли по пути к их первому свиданию. В сущности, это могло случиться со мной в любом другом городе, где бы я родился и из которого был увезен, а затем наполнял себя воспоминаниями о нем по чужим рассказам. Но я оказался в Риге, и дверь захлопнулась. Этот город исключил другие возможности, став центром моего детского мира, в который всегда хочется убежать от тревожной взрослой жизни.

(– Она была одета в неприметную серую юбку и мешковатую блузку, осенью появлялся вязанный свитер, потертые джинсы и плащ. Подвижные глаза, короткие волосы, лицо в крапинках веснушек. Больше всего она ненавидела государство, лживые ценности и насилие. Она с детства обливалась слезами, читая рыцарские романы. В восемнадцать ей в руки попал оруэлловский «1984», после чего чиновники в темных двубортных пиджаках и милиционеры в грязно-голубых рубашках навсегда превратились для нее во врагов. Именно они сожгли Джордано Бруно, именно они заморили Мандельштама, именно они расстреляли Мейерхольда.

Мы быстро сошлись и в первый же вечер оказались вдвоем на берегу Дона. Она видела во мне жертву строя, подпольного музыканта, молодого физика, но только не высокого парня, имеющего свои слабости и привычки. Поженились мы так же, как и познакомились, – легко и непринужденно.

– Диссида одна собралась, – сказал Толя, встречая нас у ЗАГСа.

Потом бурное лето, пустующая комната ее бабушки. После занятий мы встречались на остановке, ехали в июльском переполненном троллейбусе, покупали портвейн и долго поднимались по темной широкой лестнице, целуясь на каждой ступеньке. Громкий звонок нарушал замершую тишину.

– Тед, Хелен, проходите, – встречал нас пьяный голос хозяина.

Он неизменно начинал рассказывать о чувстве ответственности, которое сопровождает его после нашей свадьбы.

– Эта квартира волшебная, – гордо начинал он, – здесь, как на небесах, даже браки заключаются.

– Именно в ней и падет режим, – шутили мы и тянули за ручку тяжелую дверь.

В тот вечер собралась большая компания. Последним пришел начинающий писатель, о котором ходили слухи по всему городу.

– Сценарист, – представил его хозяин.

Он говорил не умолкая, носился со своими напечатанными на старой машинке текстами, требуя, чтобы каждый из нас подержал в руках его шедевр.

– О чем фильм-то будет? – иронично спрашивали ребята.

– Вы не поверите, – захлебываясь, пыхтел он, – первый советский фильм о гомосексуалистах. Все члены Политбюро – нет, не безобидные педики, они грязные пидеры, которых разоблачил майор Наганский.

Смех разлетался по квартире.

– Неореализм, – доносились хвалебные возгласы.

Но всерьез его никто не воспринимал, очень быстро он наскучил компании. Сценарист, так звали его все, не оставлял попыток подружиться с нами, но потом неожиданно пропал. Пошли разговоры, что его взяли.

– Не знаю, где он, – пожимал плечами хозяин.

В один из вечеров мы задержались. Дверь была приоткрыта – поразительная тишина отдалась холодком в ногах. Я схватил жену за руку и прошел мимо квартиры, сделав вид, что поднимаюсь наверх. Она испуганно посмотрела на меня и подчинилась. Мы позвонили в первую попавшуюся квартиру, прикинувшись, что перепутали улицу, затем торопливо спустились, нервно переглядываясь. Я сжимал ее липкие от пота ладони, повторяя: «Все будет хорошо». Вернувшись, мы позвонили ребятам, но никого не было дома.

За нами пришли с утра. – Сценарист всех сдал, – подумал я, натягивая брюки. Нас забрали порознь. В удушливом кабинете на меня смотрели стеклянные глаза.

– Такой спортивный, умный, гордость кафедры, – глухой голос, казалось, не принадлежал говорящему, – и что? – картинно возмутился полковник. – Живешь плохо, не нравится?

Я молчал.

– Будешь на страну работать, понял? – повисла пауза. – Иначе у меня в Братске землю будешь жрать, падло.

Меня увели в пустую комнату. Окон в ней не было, стены были выкрашены в грязно-белый. От жары сильно болела голова, капли пота залепили глаза. Я сидел на полу, слушая, как громко стучали виски. Постепенно начал проваливаться в склизкую дремоту.

– Это какая-то ошибка, – услышал я внезапно знакомый голос. – Не может быть, ручаюсь за него.

Виктор Петрович вошел в комнату.

– Тео, ты что, ведь это неправда?

Я пригладил залитые потом волосы и посмотрел на него.

– У него защита через год. Ей Богу, лучший мой студент, – тараторил Виктор Петрович. – Надежда кафедры, – не унимался он.

– Встал, – прикрикнул полковник.

– Он исправится, – причитал Виктор Петрович.

– Исправишься? – прогремел полковник.

– Исправлюсь, – процедил я в ответ.

С тех пор мы не появлялись в квартире. Жена отделалась выговором, хозяин исчез, а потом в квартире поселилась многодетная семья из пригорода. Я перестал играть. Через некоторое время мне стало и вовсе все равно. Умер отец.)

– Неожиданно я начал скучать по ней, хотя поначалу особенной привязанности не испытывал. И первым делом после возвращения из Риги я набрал ее номер, который уже успел выучить наизусть. Она ответила холодно, но согласилась встретиться. Мы долго молчали, не замечая, как прошли Энгельса, потом вернулись к ее дому, и она пригласила меня к себе. Мы быстро поднялись, и прежде чем оказаться в моих руках, она вдруг заговорила о культуре, об итальянском кино, абстрактной живописи. Но отдалять неизбежность бессмысленно – все равно, что искать девственницу в роддоме; влечение стерло последние сомнения. Нам было хорошо вместе, а через месяц она сообщила, что ждет ребенка, и я непременно должен жениться на ней. В такой ситуации я женился бы и без ее просьбы, хотя неприятный страх продолжал тревожить меня. На этот раз я рассказал маме обо всем в тот же вечер. Сестра была далеко, да и ей было все равно, поэтому я ничего не сообщил. Мать настаивала, чтобы мы сыграли свадьбу, а не просто расписались и напились в ближайшем ресторане. Я неохотно согласился, тем более родители моей будущей жены взяли за дело очень серьезно. Неожиданно для себя я снова загорелся идеей жениться, вернее, меня убедила в этом она. В отличие от моей первой свадьбы, на этой было много родственников, друзей и подруг, праздновали пышно, но все же сумбурно, торопливо. После пятой рюмки я начал просто улыбаться, даже если и не понимал, что мне желают и о чем просят. Откровенно говоря, я понял, что это лучшая тактика в таком положении.

– Если бы я оказался в вашей ситуации, вряд ли бы понял больше, – произнес я, втиснувшись в его речь.

Стало душно.

– Да, это был своеобразный для меня ритуал, я оказался в ситуации, когда не мог распознать тех знаков, которые обязан был понимать и различать. И все вокруг превратилось в странный обряд, от которого мне становилось жутко. Казалось, что все вокруг заметили это, а ее родители неодобрительно косились на меня, но ничего поделать с собой я не мог. После свадьбы я пролежал весь день с больной головой, убедившись, что и по этой причине не стоило жениться. Но неожиданная нежность к ней, нашему будущему ребенку проснулась во мне – я превращался в семейного человека, хотя мне не было и тридцати. Но какая разница, когда им становиться? Мне вовсе не хотелось замечать, какой капризной она стала, я спокойно выслушивал упреки, что ставки недостаточно, чтобы содержать семью, что ей нужны новые

туфли и книги, которых всегда не доставало. Перед родами она каждый вечер кричала, как-то даже собрала все вещи, но в дверях я ее остановил. Физика, музыка, друзья почти исчезли из моей жизни, на кафедре я читал лекции как автомат, ничего не добавляя от себя – не наука, а черт знает что. Сын родился крупным и задумчивым младенцем со взрослыми глазами. Она немного успокоилась, материнство облагородило ее на некоторое время. Ссоры сменились заботой о ребенке. В целом, наша семья ничем особенным не отличалась от сотен семей, живущих по соседству. Мы радовались мелочам, из-за них же ругались, становились старше. И ощущение бессмысленности всего, что меня окружает, прочно засело где-то в глубине.

Черты его лица сильно изменились, как будто я смотрел на смазанную фотографию. Глаза стали рассеянными, губы сжались.

(– Отец умер вчера, хотя, может быть, уже сегодня – не помню точно. Я вернулся с кафедры уставшим, по дороге выпил несколько кружек пива у киоска. Мамин тихий голос казался по телефону абсолютно спокойным.

– Папа умер, – прошептала она.

– А, хорошо, сейчас приеду, – выпалил я и поднялся с продавленного дивана.

Следующие двадцать часов превратились для меня в дурной сон, который навязчиво всплывал в моей голове. Жара, несколько знакомых лиц, в одночасье постаревшая мама. Я пил всю ночь, поэтому к утру с трудом передвигался, цепляясь за узкую талию жены.

– Свинья, – скрипел ее голос в моих ушах. В морге я не проронил ни слова, а когда мы вышли на улицу, зацепился языком с отцовским собутыльником – сторожем, который всю дорогу на кладбище вытирал слезы, вспоминая, что прошел всю войну, сражался с немцами, а в итоге немец стал его лучшим другом. С кладбища мы вернулись поздно, вместо поминок выпили холодный квас и разошлись – кто куда. Мама попросила оставить ее в одиночестве. Жена из последних сил старалась поддержать меня, но в этом не было смысла.

Тягучее воспоминание о тех часах надолго засело в моей голове. А через три недели она ушла.

– Мне пора, – грустно сказала жена и потянулась за набитыми сумками.

Я подошел к ней, мы по привычке обнялись. Помолчали. Она остановилась в коридоре и еще раз посмотрела на меня.

– Кстати, Сценарист-то гэбэшником оказался, – обронила она напоследок. – Теперь уже все равно, – сказал я и закрыл за ней дверь.)

– Чувство вины, которое обычно можно было утопить в бутылке, все острее проявлялось, когда я понимал, что мы случайно встретились, случайно зачали, случайно поженились, теперь случайно живем. Иногда казалось, что я случайно стал физиком, случайно родился немцем в Риге, случайно очутился в Казахстане, затем в Ростове. Этот набор случайностей не давал мне вырваться из клетки, в которой я поселился и не знал, как выбраться наружу.

Он провел ладонью по своей выбритой щеке и выпрямил едва сгорбленную спину.

– Открывая мир ребенка, я сам впал в детство. Мне казалось, что счастливым можно остаться только не взрослея, в мире чистых эмоций и открытий, где нет места компартии, пред-рассудкам, ответственность измеряется в замечаниях родителей, проблемы решаются сами собой. Сразу же появился интерес к жизни, голод, который постепенно уходит с возрастом, но не от того, что человек насыщается, – он просто привыкает и перестает его замечать. Но она снова и снова упрекала меня, считая, что все наши проблемы связаны со мной. Я тратил все деньги на нее и на сына, не оставляя даже себе на троллейбус. Новое пальто немного успокоило ее, но вскоре она начала настаивать, чтобы я позаботился о будущем, встал бы в очередь на машину через университет. Мне все это казалось лишним, но я убеждал себя, почти верил, что она знает лучше, как построить единое целое из нас троих. Как раз в это время я узнал больше всего о природе человека. То, что я увидел, не порадовало меня.

– Вы знаете, – осторожно начал я, – думаю, нас всех спасает друг от друга только внутренняя жизнь, не имеющая ничего общего с повседневной. Это как поток энергии, не дающий нам потеряться...

– Совершенно верно, – он перебил меня. – Этот поток напоминает, что жизнь как ребенок, не чужой, свой, о котором нужно заботиться, это хрупкая конструкция, мы несем ее, а вокруг так много угроз и опасностей. Самое страшное – видеть в ней однообразие. Я боялся поймать предсказуемость в нашем поведении. Ты смотришь на нее, видишь, как она идет по коридору в спальню, сколько шагов делает в комнате, ловишь ее бесцельный взгляд, она даже перестает скрывать его, ты догадываешься, о чем она думает, но не пытаешься понять, а лишь убеждаешься в собственной правоте. Затем становится понятно, почему она ведет себя так, в каждой мелочи есть свое послание. Она старается, чтобы ты понял, что хуже нее, что она делает тебе одолжение, живя вместе с тобой, кормя грудью сына. И свобода раскалывается на две части, перестает быть общей, остается где-то далеко, в прошлом, когда мы знали и видели друг друга совсем не такими. Мы оба начали доказывать друг другу, что не виноваты. Я принялся подыгрывать ей, на скрытый укол отвечать таким же уколом. Вскоре отношения превратились в игру, правила которой менялись ежедневно.

(– Ты хочешь, я знаю, ты хочешь, – шептала она пьяным голосом.

Может быть, я и хотел, а может быть, мне стоило встать и уйти.

– Ну что ты так смотришь? Я тебе не нравлюсь? – настаивала она. – Между прочим, красота дается от Бога, только ты один этого не понимаешь, – обижалась она и отворачивалась.

– В Союзе нет Бога, – спокойно отвечал я и надвигался темной тучей на ее мясистое тело.

Нам бывало хорошо, но потом снова наступали тягостные минуты молчания, когда говорить не хотелось, и любая попытка начать диалог вызывала раздражение. – Беременна так беременна, – подумал я, когда услышал ее испуганный голос.

Она любила врываться ко мне на кафедру, говорила всегда громко, чтобы слышали все, кто был рядом. Мы спешно поженились, пока еще можно было скрыть наш грязный секрет. А дальше начались дни тягостного ожидания, переполненные истериками, молчанием и болезненным примирением.)

– Единственное, что объединяло нас и заставляло общаться, – наш сын. Он смотрел большими и ясными глазами, ловил каждый взгляд. Я знал, что уже много недель мы поддавались молчаливому обману, но обманывали не его, а себя. Дальше все развивалось даже слишком банально, неприлично просто. Мы разошлись, но с сыном я виделся почти каждый день. Когда он начал произносить отчетливо первые слова, я с досадой понял, что не могу слышать этого, вникать в его мир. Она совсем не любила его. Ее родители занимались внуком, а она в это время искала новые ощущения. Однажды мы встретились на подпольном концерте общих друзей. Она пришла в обнимку с молодым длинноволосым хипарем, крепко держащим ее за талию. Мы не поздоровались, сделали вид, что не знаем друг друга, но мне стало вдруг неприятно, будто кто-то вскрыл мое письмо. Неприязнь быстро прошла. Я вдруг понял, что она бежит от себя, как делал и я все это время.

(– Смысла или его подобия не было ни в чем. Наш сын рос, а мне казалось, она избегает его, старается, чтобы он не видел ее такой – пахнущей духами, коньяком и дешевыми сигаретами. Я старался чаще бывать у них, разговаривать, играть с сыном, но это не помогало. Когда я шел по широкому проспекту, от дома к дому, у меня менялось настроение. Он жил в другом мире.

К счастью, на кафедре мне все еще доверяли, я читал много лекций, и это отвлекало меня от дурных мыслей.

Она все больше гуляла, теряясь в домах культуры и темных спальнях коммуналок. Я узнавал о ней от знакомых. По вечерам, когда я приходил навестить сына, ее никогда не было дома,

что очень радовало меня. Удивительно, но теперь было легче не видеть ее, ничего не знать о ней.)

– Однажды, когда я зашел к ним вечером, сын попросил меня забрать его с собой. Я сказал, что должен поговорить с мамой, не представляя, как сообщить ей об этом. Для нее эта новость стала ударом, хотя она знала, что все делает для этого, но из принципа отказалась отдать его мне. Это означало бы, что она проиграла, что ее бросили, а она не привыкла к такому отношению.

Теодор опустил глаза, разглядывая корешок моей книги.

– Хороший у вас вкус, – по-профессорски сказал он.

Я благодарно кивнул и попросил продолжить.

– Дальше? – он задумался на мгновение, как будто вернулся в прошлое. – Я не заметил, как прошло пять лет с тех пор, как мы развелись. Я вел абсолютно холостяцкий образ жизни, совсем без женщин. Иногда по ночам играл на гитаре или слушал музыку, иногда бродил по безлюдным улицам. Как-то весной, кажется, был конец марта, меня пригласили в Москву поучаствовать в конференции. Мой доклад, к удивлению, заинтересовал специалистов. После возвращения мне позвонили из института Иоффе и предложили прочитать там курс лекций. На кафедре меня не хотели отпускать, но выбора у них не было. Так впервые я оказался в Петербурге. Честно говоря, я ни о чем не жалел. Беспокойная чувственность молодости притихла, но окончательно не покинула меня. Равнодушие к неудачам постепенно позволило мне стать таким, какой я есть, а не каким меня хотели видеть. Когда я вернулся в Ростов, в моей жизни появились мелкие прихоти, которые я удовлетворял немедленно. После школы сын забегал ко мне, мы слушали музыку, разговаривали, иногда ходили играть в футбол. Он рос очень быстро, но с возрастом становился похожим на нее. Мы никогда не обсуждали мать, как будто ее не существовало. Так было удобно нам обоим. Лекции, которые я читал, семинары, собиравшие физиков со всего Союза, оказались очень продуктивными. Вскоре я стал сотрудником НИИ. Идея переехать в Петербург захватила меня с первого дня, как я оказался здесь. Близость родной Риги, личные перспективы и богемная жизнь очень привлекали меня тогда. Я гнал прочь мысли о маме и сыне, но они не отступали. На кафедре на меня давили, пытаюсь удержать любыми способами, но решение уже приняли наверху. Дело оставалось за мной. Я разрывался, в растерянности ходил по ночному городу.

(– Поступки и слова никогда не помогали и вряд ли помогут в отношениях с женщинами. – Безжизненные чучела, – так бы сказал Толя.

Наша связь потеряла смысл, и если бы не было ее тела, привычек, проникших и в мою жизнь, пусть я даже этого и не хотел, если бы не места, где мы встречались, не площадь, рядом с которой жили, не наивное знание, что рядом есть кто-то, кого ты, кажется, знаешь, все бы мгновенно стерлось из памяти. И что говорить, если ты уже не бежишь к ней, не чувствуешь ее запах? Только пресыщение, отсутствие ориентиров и снова пресыщение.)

– И на следующий день произошло то, что изменило мое представление о мире. Да, именно так и следует назвать эту встречу. Вот и сейчас я отчетливо помню, как на улице среди толпы рассмотрел своего одноклассника – Толю – одного из тех, с кем раньше мы собирались и играли на гитарах, и он пригласил меня в гости к своему приятелю. Сначала я отказывался, ведь даже и не мог представить, что меня там ждет, но в итоге согласился, лишь бы только отвлечься от собственных мыслей. По его словам, это была любопытная квартира, и вскоре я в этом убедился. Старый кирпичный дом выглядел жутковато: оголенный фасад был покрыт трещинами, двери подъездов открыты настежь, продавленные скользкие ступени пропадали под ногами. Мы остановились у облупленной деревянной двери, через которую сочился запах ладана. Этот странный и незнакомый запах я запомнил на всю жизнь. Открыл нам худой мальчик в поношенных ботинках и мятой рубахе. Он шепотом поздоровался и указал на закрытую комнату. Лицо его было задумчивым и не по годам взрослым. Из комнаты доносился

низкий мужской голос, читающий молитвы. Мой друг вплотную подошел к двери и потянул меня за рукав. Все это казалось странным, я засомневался, но в итоге поддался. Небольшая четырехугольная комната была забита людьми. Цветные иконы на стенах делали атмосферу еще более камерной. Никто из молящихся не обратил на нас внимания. Мы встали у самой двери и начали слушать службу. Священник пел льющим голосом, люди синхронно молились, повторяя за ним последние строки. Тогда я не очень понимал, как устроен этот обряд, все казалось мне удивительным, но больше всего поражала энергия, которую я ощущал всем телом. Я вслушивался в каждое слово, произнесенное священником, не осознавая, что он говорит, в чем смысл его речи. Мне захотелось креститься, повторить каждое движение, не упуская ни единого жеста. Отчетливо помню, как священник окропил всех присутствующих святой водой, и люди начали расходиться, а я не мог сдвинуться с места. Тогда он подошел ко мне и пригласил на следующую службу. Не помню, как мы попрощались с Толей, но домой я вернулся поздно. В голове не было ни одной мысли, к чему я никак не мог привыкнуть. Я не спал всю ночь, просто лежал и смотрел в окно на темное небо.

(– Ирония окончательно заставила меня замолчать. Жизнь – это сопротивление, но чему сопротивлялся я? До этого момента все было туманно и случайно: одни догадки, бег от неудачи к неудаче, бесполезные надежды, разочарование. Все разыгрывалось в воображении – единственном способе понять окружающую действительность. Я с легкостью проделывал прогулку вечером: сперва унылое блуждание по мокрым улицам от университета до дома под обсуждение новой пятилетки, перед тем перерыв между лекциями, проведенный непременно в компании курящих коллег, затем гложущее чувство от пустынности улиц, когда возвращаешься домой от сына, а люди нерешительного вида узнают в тебе такого же странноватого прохожего, желающего остановиться и спросить что-то совершенно бессмысленное, просто чтобы услышать голос человека. Постепенно темно-синее небо и затхлый подъезд сливаются с убеждением, что ты не прав, что недостаточно хорошо знаешь, что и как сделать. Как он будет смотреть на меня, когда вырастет? Просто взглянет и пожмет плечами. Все это может возникнуть в любом городе, куда забросит профессия или случай, и начинаешь сравнивать плакатные лозунги, улицы, площади, людей, ощущения, оставленные или сохраненные. Никакого порядка.)

– Я решил уехать в Петербург, закрепиться в институте и перевезти сына с мамой. С такими мыслями было легче уезжать – нашлось оправдание. О подпольном богослужении я постоянно думал, вспоминал текст молитв и старые иконы, висевшие в нашей квартире еще в Риге. Правда, они были для католиков, но тогда для меня это ровным счетом не имело никакого значения. Я еще не был крещеным. В Петербурге, надо сказать, холостяцкие причуды проявились с большей силой: пластинки, книги, бутылки наполнили мою комнату в корпусе преподавателей. Но меня постоянно тянуло в церковь, я сопротивлялся, объяснял себе, что желание быстро пройдет, так же неожиданно, как и появилось. Но все чаще я стал ходить мимо храмов, понимая, что окруживший меня со всех сторон атеизм куда-то исчезает, рациональный подход к жизни, которому меня научила наука, вовсе превратился в циничный анекдот. Церковь Святой Екатерины вызывала во мне особые чувства, когда я забывал о себе, своем существовании, оказывался частью чего-то большего, чем собственной жизни, тем более, что в то время началась реконструкция храма – он должен был стать органом филармонии. Я так часто заходил в него, что вскоре все уборщицы уже узнавали широкоплечего Федю.

(– И как легко мы находим смысл в том, что нам нравится, что доставляет удовольствие или отвлекает от беспокойства. Ожидание – оно обрушивалось на меня и раньше, но теперь я не чувствовал себя ничтожным, не способным раскрыться перед ним. – Не гений, и что? – повторял я себе каждый раз, когда брал в руки гитару или открывал «Общую теорию относительности».)

– Объяснить себе, почему я выбрал именно этот собор, было слишком трудно, хотя в минуту, когда я принимал это решение, вероятно, все было понятно. Последующие поступки выстраивались в ряд и получали смысл только из-за этого выбора, сметавшего обычную причинную связь. В то же время я вправе думать, что случайностей в моей жизни не так много, чтобы списывать все на судьбу. Теперь, когда я стою напротив вас, внимательно слушающего мою историю, кажется, что все доходит до меня через зеркало, в котором я вижу себя тогда. И голос доносится из прошлого, полного необратимости. И все же окончательно я укрепился в вере после того, как понял, что и среди моих коллег никто ни к чему не стремится. Кроме научной степени и оклада их ничего не интересует. Наука, как бы парадоксально это ни звучало, чище тех людей, которые ее создают. Был один настоящий ученый, с которым мне довелось работать несколько месяцев. Он вырастил в специальных условиях породу, которой не существовало на земле. Настоящий фанат, он всегда верил, что его открытие поможет человечеству, но человечество слишком часто не готово к вызову, оно не желает резких перемен. Когда он поехал в Москву на крупную конференцию, на которой должен был представить эту породу, сделать подробный доклад о ходе исследования, его обокрали прямо в поезде. Он рассказывал уже в больнице, что держал камень во внутреннем кармане пиджака, но нечаянно заснул, а проснувшись, понял, что пиджака нет. Инфаркт, инвалидность – все закончилось быстро. Вот это был ученый, который занимался наукой. Других я не знал.

– Потрясающее упрямство, – подумал я.

– Впрочем, пройдет несколько дней, и вы забудете все, что я рассказываю сейчас. Останется воспоминание об этом лифте, в котором мы так неудачно застряли. Может, вы возьмете и прочитаете «Бритву Оккама», пройдете мимо храма, о котором я рассказываю, но это будет скорее чудом, победой иррационального.

Съездившись, он продолжил, как будто уже не мог остановиться:

– Больше всего мне бы не хотелось спастись бегством от нелепого мира воспоминаний и надежд, попадать туда, где уже не на что надеяться. И только сейчас я начал догадываться, что смысл всего, за чем я следил большую часть жизни, оказывается абсолютной пустотой. Слишком поздно я стал замечать, что мир устроен совсем не так, как думают люди, как думаю я сам. Наверное, поэтому я и стал священником.

Он замолчал, поглядывая на ржавую дверную решетку.

– Давно вы стали священником? – терпеливо подождяв, спросил я.

– Срок не так важен, поверьте. Дело в другом. Слишком много разочарований, слишком часто бывал я в соборе Святой Екатерины, чтобы меня перестали замечать, слишком долго ждал момента, когда уйдет все лишнее. Но бессмысленно верить в простые вещи, знакомые нам по привычке, по ежедневному столкновению с ними. Они окружают нас в быту, в отношениях, и даже воображение теряется под их напором. Религия научила меня неверию в сиюминутное, быстрое и легкое, доступное и лежащее на удобном расстоянии. И все проблемы ушли туда, наверх, – он показал рукой на потолок лифта, как будто за ним открывался целый мир, – потому что их и не было. Остался тот я, который появился в этом мире, с незатуманенными взглядами и ясными представлениями. Удобное счастье, ощущение разумной повседневности, которое дают хорошая работа и жена, – просто не мешает, но и ничего не меняет. Жизнь превращается в ежедневный ритуал. Прошлое по-разному учит, совершенно бесполезно надирать себя, требовать серьезных поступков, когда не понимаешь, что за всем этим стоит. Зачем наполнять пустоту тем, чего не знаешь? Трещины становятся все шире под давлением сомнений, бесконечная перспектива поисков новых дверей, открытых или закрытых, ничего не приносит, уничтожает изнутри. Эти истории я слышу регулярно, когда люди приходят и рассказывают о своих страхах, желаниях, грехах, обо всем, что мешает им жить, любить. Но я ничего не объясняю им, самое большое, что я могу сделать – заставить задуматься о том, что спастись нужно не от кого-то, а от самих себя. Или страх становится спазмом. Мечтать беспо-

лезно, можно только верить. И теперь ночными молитвами я побеждаю в себе раздражение и досаду, стяжаю всепобеждающую любовь к ближнему. И иду к цели единой, обретаю мир в душе. Кажется, кто-то идет, – резко обронил он.

Я промолчал в ответ. Внизу слышались шаги, чьи-то пальцы нажали на кнопку, и лифт сдвинулся с места.

– Нам всем придется освободить пространство, которое занимает наше тело, – произнес тихим голосом Теодор, накидывая темно-коричневый плащ на согнутую руку. – Да будет Господь с вами, – добавил он, выходя на улицу.

– До свидания, – глухо сказал я, и дверь с грохотом захлопнулась.

II

Чтение II-й главы необходимо устроить таким образом, чтобы в уме накопились факты и опыт, из которых можно сделать выводы, когда возникают вопросы.

Невский оживал постепенно, спутывая в клубок нависшие облака с чердачными окнами и покатыми крышами, прохладный воздух и людей, увидевших то, что рисовалось за окнами чуть раньше; он выглядел основательным и неподвижным. Тот беспорядок, привычный и знакомый, поджидающий по утрам, когда нужно определить, где находишься и что следует делать дальше, терялся в пересекающих друг друга улицах, раскиданных по ним деревьях и буквах, написанных на мемориальных табличках и вывесках. Системы, которая могла бы привести к избавлению от странных аналогий и сомнений, не было, как не бывает уверенности в том, что в центре площади можно встретить знакомую фигуру, черты, которые узнаются из десятков мелькающих лиц.

Свернув на Адмиралтейский, я заглянул в Александровский сад, пустынный в это время, глубоко вдохнул утренний воздух, обычно растворяющий раздробленные отрывки разговоров. Засунув руку в карман, я нащупал книгу, которую забыл вытащить и положить на полку, где для нее уже было приготовлено место. – Сразу заметил, – подумал я и машинально покачал головой, – немец. – Я достал книгу и раскрыл ее, нащупав согнутый уголок страницы, которая не поддавалась мне в «Рого», и на секунду представил, как нелепо выгляжу с замусоленной книгой в руке, стоящий под массивным деревом, в то время как любой нормальный житель этого города спешит в другой конец или в центр с окраины, чтобы выпустить очередной номер журнала или продать на два стула больше, чем вчера, а может, чтобы навестить старую бабушку, давно переставшую отличать дочку от внучки, или прочитать лекцию о категорическом императиве Канта. Глаза забежали по строчкам, пожирая мелкий шрифт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.